

Спасский А. А. Библиография: Значение Византии в истории западноевропейской цивилизации [Рец. на: *Harrison Fr. Byzantine history in the early middle ages. London, 1900*] // Богословский вестник 1902. Т. 1. № 4. С. 808–836 (3-я пагин.).

БИБЛИОГРАФІЯ.

Значеніе Византіи въ исторіи западно - европейской цивилизаціи.

Fr. Harrison. Byzantine history in the early middle ages. (The rede lecture delivered ih the senate house, Cambridge, Iune, 12, 1900). London, 1900.

Изученіе исторіи Византійской имперіи долгое время находилось въ забросѣ. Въ ней не видѣли ничего, кромѣ непрерывной смѣны лицъ и династій на Константинопольскомъ престолѣ, безконечнаго ряда дворцовыхъ интригъ и злодѣйствъ, деспотизма и нравственной порчи высшихъ классовъ и подавленной ихъ произволомъ народной массы. Фразы о прогрессивномъ паденіи Византійской имперіи, о дряхлости ея государственнаго организма, который представлялся переполненнымъ всевозможными общественными болѣзнями, о ханжествѣ и суевѣріяхъ ея религіозной жизни,—были избитыми, но тѣмъ не менѣе любимыми мѣстами во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда историкамъ приходилось такъ или иначе касаться Византіи. Къ ней обращались какъ бы только за тѣмъ, чтобы показать, что этотъ гнѣущій остатокъ восточной половины римской имперіи, по какимъ-то страннымъ и непонятнымъ причинамъ сохранившійся дольше, чѣмъ слѣдовало, — былъ лишь случайнымъ придаткомъ въ ходѣ развитія европейской культуры, не оставившимъ по себѣ никакихъ благодѣтельныхъ послѣдствій, а потому и не имѣ-

ющимъ никакого историческаго значенія. Причины такого пренебрежительнаго отношенія къ Византіи, по скольку оно наблюдалось у западныхъ историковъ, очень понятны. Византійская имперія въ этомъ случаѣ раздѣляла судьбу, общую всему греко-славянскому Востоку, съ которымъ она стояла въ тѣсныхъ и многообразныхъ связяхъ. Съ глубокой древности племенная и религіозная рознь раздѣлила народы Европы на два міра: романо-германскій и греко-славянскій, а политическія обстоятельства съ каждымъ вѣкомъ усиливали взаимную непріязнь и недовѣріе между ними. Гордый своей культурой, романо-германскій міръ привыкъ только себя считать носителемъ обще-человѣческаго просвѣщенія, въ себѣ одномъ полагать историческую силу будущаго и презрительнымъ тономъ говорить о прочихъ „некультурныхъ“ народахъ, къ которымъ онъ причисляетъ и европейскій Востокъ. „Народы славянскіе,—заявлялъ нѣкогда ученый Нейманъ,—составлены изъ другихъ веществъ, чѣмъ нѣмцы, и имъ поэтому самой природой предопредѣлено другое, чѣмъ нѣмцамъ, призваніе. Только европейцы (т. е. западные народы) и между ними только представители германскаго племени, а отнюдь не славяне, останутся на вѣки украшеніемъ творенія и владыками міра“. И какъ ни высоко держитъ Западъ знамя науки, на дѣлѣ эти политическія и національныя страсти находятъ себѣ доступъ въ самую глубь научныхъ изысканій, порождая явленія, роняющія честь науки. Пренебреженіе къ Византійской исторіи, царившее на Западѣ до половины прошлаго столѣтія, отрицаніе за ней всякаго культурно-историческаго значенія, доходившее до намѣреннаго выставленія на показъ только отрицательныхъ сторонъ ея—все это служило лишь проявленіемъ этого давнишняго непріязненнаго отношенія запада къ востоку.

Истекшему XIX-му вѣку принадлежитъ заслуга—пробить брешь въ этой стѣнѣ предразсудковъ, издавна отдѣлявшихъ западно-европейскіе народы отъ востока. Мощный, политическій и культурный, ростъ европейскаго Востока, предоставившій ему видную роль въ обще-европейской жизни, рядъ великихъ событій міроваго значенія, совершившихся здѣсь за этотъ вѣкъ, какъ напр. возстаніе грековъ или борьба за освобожденіе славянскихъ народовъ и мн. др.,—все это заставляло Западъ умѣрнить свои прежнія предубѣжденія къ Во-

стоку и рождало необходимость ближе всмотрѣться въ него и попытаться понять не только его настоящее, но и прошедшее, обусловившее это настоящее. Къ такому же результату вель и тотъ прогрессъ исторической науки, какимъ ознаменовалось послѣднее полстолѣтіе; съ тѣхъ поръ какъ оставлено было старое заблужденіе, что античная культура и цивилизація погибли вмѣстѣ съ паденіемъ западной римской имперіи въ 476-мъ году и вновь неожиданно воскресли въ эпоху возрожденія наукъ и искусствъ въ Италіи, и періодъ средневѣковья, обращавшій на себя мало вниманія, получилъ въ наукѣ принадлежащее ему историческое значеніе, изученіе исторіи западно-европейскихъ народовъ стало невозможнымъ безъ изученія Византіи. Анализируя событія среднихъ вѣковъ, западный историкъ сплошь и рядомъ наталкивался на частныя точки соприкосновенія между средневѣковымъ западомъ и восточной Византіей и обязывался для пониманія изучаемыхъ событій обращаться къ фактамъ византійской исторіи. Движеніе къ болѣе близкому и объективному ознакомленію съ Византіей сперва началось въ Германіи (Шлоссеръ, Фальмерайеръ, Нибуръ, Цинкейзенъ, Цахаріэ фонъ-Лингенталь), остающейся и доселѣ центромъ византійскихъ занятій ¹⁾; затѣмъ, къ германскимъ ученымъ примкнули англійскіе (Финлей), французскіе (Сабатье, Рамбо, Шлембержэ, Байе) и греческіе (Сава, Сакеллионъ); независимо отъ нихъ изученіе Византіи стало быстро развиваться у насъ въ Россіи (Кругъ, Куникъ, Васильевскій, Успенскій, Васильевъ, Дестунисъ, Помяловскій, Пападолуло-Керамевъ, Кондаковъ, Красносельцевъ, Кирпичниковъ, Троицкій, Лебедевъ и мн. др.), такъ что въ настоящее время можно насчитать не только внушительный рядъ солидныхъ ученыхъ силъ различныхъ національностей, работающихъ въ области Византіи, но и значительное число специальныхъ учрежденій, посвящающихъ себя той же цѣли (Русскій археологическій институтъ въ Константинополѣ; французскій институтъ археологіи въ Афинахъ; византійскій (филологическій) семинаріумъ

¹⁾ Здѣсь мы имѣемъ въ виду развитіе византизма за XIX вѣкъ, а потому и не упоминаемъ о французскихъ ученыхъ XVII и XVIII вв., труды которыхъ въ области Византіи и доселѣ еще не утратили своего значенія.

въ Мюнхенѣ; *Byzantinische Zeitschrift* Крумбахера; Византійскій Временникъ, издаваемый нашей Академіей Наукъ). Блестящіе результаты, достигнутые этимъ новымъ, византійскимъ движеніемъ, не замедлили проявить себя какъ въ коренномъ измѣненіи возрѣніи на значеніе Византіи, такъ и на общемъ построеніи самой исторіи западно-европейской цивилизаціи и культуры. Подъ давленіемъ фактовъ, установленныхъ новыми изслѣдованіями, западная историческая наука, стала отрѣшаться отъ прежнихъ предубѣжденій и предрасудковъ,— и забытая, заброшенная старыми историками въ сторону, а отчасти опозоренная ими (Лебо ¹⁾, Гиббонъ), исторія Византійской имперіи, вновь ожила для науки, поставлена въ тѣсную связь со всѣмъ прошлымъ европейскаго человѣчества и признана, какъ необходимое звено и плодотворная стадія въ его прогрессивномъ развитіи.

Но выводы чистой науки, какъ извѣстно, съ трудомъ усваиваются сознаніемъ широкой публики; наперекоръ всѣмъ успѣхамъ, проявленнымъ византологіей за послѣднее время, въ умахъ большинства не потеряли еще своего кредита поверхностныя фразы Вольтера, Лебо и папскихъ полемистовъ, и для многихъ слова: „византизмъ, Византія“ доселѣ являются синонимомъ всего деспотичнаго, невѣжественнаго и порочнаго. Въ борьбѣ съ подобнаго рода предрасудками западные ученые давно уже выработали одинъ, заслуживающій всеобщаго подражанія, приемъ: время отъ времени они въ рѣчахъ, популярныхъ лекціяхъ и общедоступныхъ изданіяхъ знакомятъ публику съ послѣднимъ словомъ науки, предлагая его въ общепонятномъ и изящномъ изложеніи, и такимъ путемъ ставятъ образованное общество болѣе или менѣе въ уровень съ современнымъ научнымъ движеніемъ.

¹⁾ Любопытно сужденіе новѣйшаго англійскаго историка о громадномъ сочиненіи Лебо по исторіи Византіи (*Histoire du Bas-Empire 1756—1779, 22 col.*), пользовавшемся вѣкогда широкой популярностью: „исторія Лебо, которую теперь никто не читаетъ, придала имперіи Новаго Рима этикетку, содрать которую еще доселѣ не смогла новѣйшая наука. Это одна изъ тѣхъ несчастныхъ книгъ, отъ которыхъ ничего не остается, кромѣ ихъ собственнаго имени, которое есть невѣжество и пасквиль. Лебо сдѣлалъ для римской имперіи на Босфорѣ тоже, что иконопочитатели сдѣлали для Константина V. Онъ далъ ей позорное прозвище, которое прилипло“.—Harrison, *cit. ap.*, 46, 47.

Въ этомъ отношеніи, примѣнительно къ Византіи, у насъ еще ничего пока не сдѣлано, не смотря на все неисчерпаемое значеніе ея въ ходѣ нашего національнаго, государственнаго и церковнаго развитія. Правда, и въ нашей литературѣ можно указать двѣ-три рѣчи—лекціи, раскрывающія заслуги Византійской имперіи въ исторіи человѣчества вообще и славянскихъ народовъ въ частности и уясняющія новое движеніе къ ея изученію, но будучи произнесены по особымъ случаямъ, въ кругу избранныхъ лицъ, и напечатанныя въ специальныхъ изданіяхъ, они остаются извѣстными какъ разъ именно тѣмъ, кто менѣе всего въ нихъ нуждается. Въ виду этого мы находимъ не бесполезнымъ познакомить читателей съ рѣчью о значеніи Византіи въ исторіи цивилизаціи Европы, произнесенной англійскимъ ученымъ Ф. Гаррисономъ 12 Іюля 1900 года въ собраніи сената Кэмбрижскаго университета и, потомъ, изданной въ особой брошюрѣ ¹⁾. Не представляя собой чего-либо новаго по существу, съ чисто-научной точки зрѣнія, рѣчь Гаррисона превосходно суммируетъ все добытое послѣдними изслѣдованіями въ области Византіи, въ изящномъ изложеніи знакомитъ съ главнѣйшими ихъ выводами и выгодно отличается своимъ *сравнительно* безпристрастнымъ, объективнымъ отношеніемъ къ Византійской исторіи. За малыми исключеніями, мы передадимъ ее почти цѣликомъ.

Ф. Гаррисонъ начинаетъ свою рѣчь указаніемъ на тотъ, сейчасъ только отмѣченный нами фактъ, что какъ ни много сдѣлано новѣйшей наукой для уясненія значенія Византійской имперіи въ ходѣ западно—европейской цивилизаціи, ея историческая роль все еще туманно представляется общей публикой. Съ тѣхъ поръ какъ Финлей ²⁾, лѣтъ пять-

¹⁾ Брошюра прислана въ редакцію Его Превосходительствомъ, Г. Оберъ-Прокуроромъ Св. Синода, которому редакция приноситъ здѣсь свою усердную признательность.

²⁾ Finlay—знаменитый англійскій историкъ Византіи, авторъ „History of Greece from B. C. 146 to A. D. 1864“,—книги, составившей эпоху въ исторіи развитія византійскихъ занятій на Западѣ. Это сочиненіе начато было Финлеемъ въ 1843 г. и окончено въ 1863; теперь оно предлежитъ въ прекрасномъ изданіи, сдѣланномъ Тоуегъомъ въ семи томахъ (Oxford, 1877). Въ первой своей части оно переведено на русскій яз.

десять тому назадъ, впервые высказалъ мысль, что древняя римская имперія не прекращала своего существованія вплоть до 1453 г., когда Магометъ взялъ Константинополь, всѣ компетентные историки признаютъ непрерывность цивилизаціи, насажденной Константиномъ Великимъ на Босфорѣ, отдавая справедливость многимъ ея заслугамъ какъ для запада, такъ и для востока Европы. Но характеръ этой непрерывности, объемъ этихъ заслугъ все еще остается мало доступенъ общему сознанію. Предразсудки, косность и риторика доселѣ еще дѣлаютъ свое дѣло, препятствуя надлежащему пониманію этого важнѣйшаго изъ ключей къ всеобщей исторіи. Вопреки всему, что говорятъ ученые, остается въ силѣ старый софизмъ, что древне-римская цивилизація окончилась съ Ромуломъ Августомъ въ 476 году, пока ее не возстановилъ въ извѣстномъ смыслѣ Карлъ Великій, и что тѣмъ временемъ порочная и распадающаяся пародія имперіи влачила свою жалкую жизнь на Босфорѣ. Въ дѣйствительности же, римская имперія, перенесенная Константиномъ на Босфоръ, въ теченіи многихъ столѣтій сохраняла въ непрерывномъ преемствѣ государственную жизнь, поддерживая, преобразуя, а частію и развивая административную систему, законъ, литературу, военное искусство, промышленность и торговлю,—словомъ, все, что нѣкогда сосредоточено было Юліемъ Цезаремъ въ Италиі. Послѣ всѣхъ изслѣдованій о Византіи англійскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ и русскихъ ученыхъ, этотъ фактъ нужно считать уже въ ряду трузимовъ всеобщей исторіи.

Преемство управленія и цивилизаціи въ Византійской имперіи было болѣе реально, чѣмъ въ западной Европѣ. Новый Римъ никогда не терпѣлъ такихъ рѣзкихъ переворотовъ, территоріальныхъ передвиженій, и такихъ перемѣнъ въ должностныхъ формахъ, языкѣ, расѣ, законахъ и обычаяхъ, какими ознаменовано образованіе новыхъ государствъ на западѣ. {Одиннадцать столѣтій Константинополь продолжалъ оставаться постояннымъ центромъ государственнаго христіанскаго управленія, при чемъ въ теченіи девяти столѣтій его административные порядки почти не нарушались. Девять вѣковъ, до разбойническаго вторженія крестоносцевъ, онъ охранялъ христіанство, промышленность, правительственный строй и цивилизацію отъ непрерывнаго натиска варва-

ровъ. Семь вѣковъ онъ оберегалъ Европу отъ преждевременнаго вторженія полумѣсяца, много отдавая Востоку, многое получая отъ него, и являясь интеллектуальнымъ и торговымъ посредникомъ между Европой и Азіей. Въ послѣднія пять столѣтій, начиная отъ эпохи Юстиніана, онъ служилъ разсадникомъ искусства, мануфактуры, торговли и литературы для западной Европы, въ которой все это только что зарождалось. И онъ же, наконецъ, былъ прямымъ и непосредственнымъ источникомъ свѣтской и духовной цивилизаціи для всей восточной Европы отъ Балтійскаго до Ионическаго моря.

Хотячье непониманіе Византійской исторіи главнымъ образомъ обязано невниманію къ огромности періода, обнимаемаго ею, и къ тѣмъ существеннымъ различіямъ, какими характеризуются разныя эпохи и династіи. Весь періодъ отъ перваго Константина до послѣдняго почти равняется періоду отъ Ромула до Θεодосія Великаго. Вторженіе крестоносцевъ въ 1204 году разрушило Константинополь, и съ этихъ поръ до взятія турками онъ оставался только слабымъ обломкомъ прежняго. Уже во время перваго крестоваго похода, на столѣтіе ранѣе, онъ былъ раззоренъ набѣгомъ манжуровъ. Но и та эпоха, въ теченіи которой Византія была передовой твердыней цивилизаціи,—гражданской, военной и интеллектуальной,—простирается отъ царствованія Юстиніана (527 г.) до смерти Константина VIII (1028), образуя собой періодъ въ пять столѣтій, т. е. много больше, чѣмъ весь періодъ римской республики.

На эти пять столѣтій падаетъ рядъ смѣняющихся эпохъ блеска и упадка, поразительной энергіи и окончательнаго разложенія. Правители такъ же рѣзко отличались одинъ отъ другаго, какъ Траянъ отъ Нерона или Гонорія; одно время стольже мало походило на другое, какъ вѣкъ Августа на вѣкъ Катона или Теодориха. Были здѣсь эпохи удивительнаго возрожденія при Юстиніанѣ, Иракліи, Львѣ Исаврянинѣ, Василии Македонянинѣ, Никифорѣ Фокѣ и Василии II Болгаробойцѣ. Были и эпохи упадка и разложенія при преемникахъ Ираклія, Ирины и Константина VIII. Одинъ тотъ періодъ, къ которому будетъ обращено наше особенное вниманіе, — періодъ отъ возвышенія Исаврійской династіи (717) до смерти Василія II (1025), — обнимаетъ собой болѣе

трехъ столѣтій. За все это время Римская имперія на Босфорѣ оставалась самой твердой и культурной силой въ мірѣ, и на ней основывалось будущее цивилизаціи.

Своимъ значеніемъ она обязана была тому обстоятельству, что за пять первыхъ столѣтій средневѣковья, образующихъ переходъ отъ политеизма къ феодализму, главное наслѣдство матеріальной и интеллектуальной цивилизаціи сохранялось въ непрерывной и ничѣмъ не нарушаемой жизненности именно въ имперіи, раскинувшейя кругомъ Пропонтиды,—что въ теченіе всей этой эпохи, полной бѣдствій и нестроений для прочихъ странъ Европы, южный и восточный берегъ Италіи, Греція и ея острова, Фракія, Македонія и Малая Азія вплоть до Евфрата оставались неприкосновенными и пользовались полнымъ миромъ. Въ то время, какъ западъ Европы былъ смятъ бурей варварскихъ нашествій, на этомъ обширномъ пространствѣ, самомъ населенномъ, торговомъ и цивилизованномъ въ тогдашнемъ мірѣ, процвѣтали благосостояніе, наука и искусства. Администрація имперіи, ея военная и государственная организація не подвергались измѣненію и продолжали дѣйствовать въ одномъ и томъ же мѣстѣ, подъ однимъ закономъ, при одномъ языкѣ и религіи. За весь періодъ, говоря кругло, отъ вѣка Юстиніана до крестноносцевъ, имперія новаго Рима не только владѣла благосостояніемъ, организаціей и науками: она почти исключительно вела средиземную торговлю, имѣла безспорное первенство на моряхъ, была главной финансовою силой и монополіей всѣхъ наиболѣе утонченныхъ произведеній ремесла и искусства. Въ срединѣ X-го вѣка контрастъ между королевствомъ Оттона Великаго и имперіей Константина Порфиророднаго былъ такъ же великъ, какъ контрастъ между Россіей при Петрѣ Великомъ и Франціей временъ Орлеанскаго регенства.

Отъ седьмого до тринадцатаго столѣтія Константинополь оставался самымъ обширнымъ, благоустроеннымъ и цвѣтущимъ городомъ Европы. Во всѣхъ отношеніяхъ онъ былъ новымъ Римомъ, и если въ цѣломъ оказывался слабѣе стараго Рима побѣдоносной эпохи Траяна и Адриана, то далеко превосходилъ своего предка изяществомъ мѣстоположенія, могуществомъ укрѣпленій и красотой дворцовъ и церквей. Длинный рядъ поэтовъ и топографовъ увѣковѣчилъ славу

великаго города, исчисливши его церкви, дворцы, бани, фюрумы, ипподромы, колонны, портики, статуи, театры, больницы, бассейны, водопроводы, монастыри и кладбища. Всѣ рассказы старыхъ западныхъ путешественниковъ проникнуты удивленіемъ предъ блескомъ и благостояніемъ императорскаго города. „Съ его богатствомъ и строеніями ничто не сравнится въ мірѣ“,—говоритъ еврей Бенъ-Веніаминъ въ XII вѣкѣ. „По всей странѣ здѣсь видны села, лагеря, города, одинъ за другимъ безъ всякаго прорыва“,—гласитъ сага о королѣ Сигурдѣ, пятьдесятъ лѣтъ ранѣе. Сами крестоносцы, презиравшіе грековъ тогдашней распадавшейся имперіи, благоговѣли при видѣ ихъ столицы, и когда пираты пятаго крестоваго похода приплыли въ Пропонтиду, они стали удивляться своему безразсудному намѣренію взять столь обширную крѣпость.

Господствующій тонъ всѣхъ путешественниковъ, попадавшихъ въ Константинополь съ сѣвера или запада, до конца XI столѣтія, былъ тотъ, что они чувствовали себя въ присутствіи болѣе сложной и организованной цивилизаціи, чѣмъ какая-либо другая изъ существующихъ. Онъ напоминаетъ собой то чувство благоговѣнія, какое испытывали Галлы и Франки, когда въ первый разъ поддавали очарованію Рима. Въ концѣ VI-го вѣка, какъ замѣчаетъ одинъ историкъ о четвертомъ нашествіи Гильдеберта на Италію ¹⁾, „нѣсколько благосклонныхъ словъ великаго римскаго императора оказали могущественное дѣйствіе на варварскаго короля“—того, самаго короля, котораго Маврикіѣ, *imperator semper Augustus* снисходительно титуловалъ „*vir gloriosus*“. И эта мысль, что новый Римъ есть центръ цивилизованнаго міра, что западные властелины не ровесники ему, прочно держалась до вѣка Карла. А когда Каролинская имперія распалась и погибла, таже мысль получила новую силу. И то убѣжденіе, что Византійскій міръ обладаетъ благосостояніемъ и культурой, какой у нихъ нѣтъ, продолжало оставаться на западѣ непоколебимымъ, пока крестоносцы фактически не разрушили этого очарованія.

Это убѣжденіе основывалось на двухъ реальныхъ фактахъ. Во первыхъ, новый Римъ сохранялъ въ себѣ очень многое

¹⁾ Hokin. Italy and Invaders, v. 267.

изъ традицій, гражданской и военной организаціи, богатства, искусства и литературы древняго Рима, гораздо болѣе, чѣмъ западь за Адриатикой. Второй и болѣе важный фактъ состоялъ въ томъ, что новый Римъ по многимъ существеннымъ сторонамъ своей цивилизаціи былъ болѣе благоустроенъ (modern), чѣмъ зараждавшіяся націи запада. Въ раннѣйшія столѣтія средневѣковья,—можно сказать, отъ вѣка Юстиніана до вѣка Гильдебранда, — имперія на Босфорѣ не переставала усовершенствовать свой административный строй, іерархію чиновъ и должностей, монетную и податную систему, кодексъ дипломатическихъ формулъ, корпусъ гражданского права, государственный доходъ, военныя машины и средства морскаго передвиженія,—чего въ западныхъ королевствахъ мы совсѣмъ не видимъ до конца среднихъ вѣковъ и что все постепенно перенималось и усваивалось западомъ. Въ то время, какъ Карлъ, Капетъ и Оттонъ жили по обычаямъ своего грубаго народа, путешественникъ, достигшій Босфора, находилъ здѣсь такіе порядки и учрежденія, какіе мы привыкли соединять съ большими городами значительно позднѣйшей эпохи. Онъ встрѣчалъ здѣсь правильную городскую полицію, организованную постановку муниципальной службы, общественные сады, больницы, пріюты, училища законовѣдѣнія, науки и медицины, театральныя и сценическія увеселенія, обширныя торговые склады, великолѣпныя дворцы и жизнь, напоминающую собою Cinque Cento въ Италіи.

То правда, что управление въ этой имперіи было деспотично, что многое въ искусствѣ ея было безжизненно, что жестокость, пороки, развращеніе и суевѣрія были многочисленны и постоянны, но, вѣдь, и Возрожденіе Европы въ сердцѣ своей культуры носило ту же жестокость, тѣ же пороки и развращеніе. Старые историки были слишкомъ склонны сравнивать Львовъ и Константиновъ съ Сципіонами и Антонинами вмѣсто того, чтобы сравнить ихъ съ Лангобардами, Франками и Болгарами того времени. И мы сами всегда готовы измѣрять византійцевъ восьмаго, девятого и десятаго вѣковъ нравственнымъ масштабомъ нашего собственнаго вѣка и слишкомъ порицать ихъ пышныя церемоніи, раболѣпный этикетъ и дикія расправы. Мы забываемъ, что въ теченіи многихъ столѣтій западные вожди соперни-

чали между собою въ подражаніи и пародированіи самыхъ нелѣпныхъ причудъ придворнаго церемоніала Византійскихъ императоровъ, перенимая отъ нихъ короны, скипетры, печати, титулы, придворную прислугу и проч. Едвали можно указать хотя бы одинъ символъ, форму или придворную должность, пользующуюся популярностью среди аристократовъ и монарховъ Европы, оригинальная модель которой не была бы сработана въ священныхъ палатахъ на Золотомъ Рогѣ. И, при томъ, большая часть этихъ символовъ и должностей и доселѣ являются самыми почетными инсигніями въ государственныхъ функціяхъ Царей, Императоровъ, Папъ и Королей.

Притягательная сила Византійской монархіи заключалась въ выработанности ея военной и гражданской администраціи. Она представляла собой колоссальную бюрократію, сосредоточенную въ священномъ Лицѣ неограниченнаго властителя многихъ и различныхъ городовъ, провинцій и расъ, ничѣмъ необъединенныхъ между собой, кромѣ высшей связи подданства. По своему характеру, она была, безъ сомнѣнія, полувосточной, теократической, абсолютистичной, но при всѣхъ ея недостаткахъ и тираниіи, ее точно копировалъ каждый бюрократическій абсолютизмъ новѣйшей Европы. И даже теперь русскій „чиновникъ“, нѣмецкій „Beamte“ и французская „administration“ за прототипами своихъ должностей и титуловъ отсылаютъ къ Византійской служебной іерархіи.

Еще болѣе это справедливо въ отношеніи къ церемоніямъ, титуламъ и табели о рангахъ. Можно сказать, что вся номенклатура монархическихъ дворовъ и чиновъ прямо цѣликомъ заимствована съ Византійскихъ оригиналовъ. Когда Хлодвигъ съ гордостью назвалъ себя консуломъ и августомъ, когда Карлъ Великій принялъ титулъ императора и короновался въ Римѣ, когда Едуардъ старшій въ 10 вѣкѣ именовалъ себя „rex invictissimus“—они просто брали взаимно греческія формулы высшаго достоинства. Читая сочиненіе Константина VII о придворныхъ церемоніяхъ, мы улыбаемся при видѣ безконечнаго числа придворныхъ службъ, церемоній, формъ и манеръ, но мы забываемъ, что Романовы, Бурбоны, Габсбурги и Гогенцоллеры удерживали всѣ эти формы и чины въ теченіи столѣтій. И правда, было бы любопытно принести *Βασιλικα τάξις* въ современную придворную гостин-

ную и пересчитать должности и формы, все еще сохраняющіяся чрезъ тысячи лѣтъ. Придворный церемоніаль Византіи былъ достаточно напыщенъ и нелѣпъ, но не европейскіе дворы могутъ смѣяться надъ нимъ. На много столѣтій онъ предвосхитилъ то, что мы и доселѣ зовемъ цивилизаціей.

Было бы несправедливо утверждать, что организація имперіи всегда представляла собой неподвижную и неизмѣнную систему. Напротивъ, она постоянно развивалась и измѣнялась сообразно требованію обстоятельствъ. Въ главномъ, такими обстоятельствами являлись суженіе границъ, потеря богатыхъ провинцій и преимущественно натискъ восточныхъ завоевателей вмѣстѣ съ усиленіемъ западныхъ королевствъ и имперіи. Въ этихъ перемѣнахъ не было ничего случайнаго или произвольнаго. Процессъ обращенія имперіи въ абсолютную монархію, начатый въ третьемъ вѣкѣ Авреліаномъ и Діоклитіаномъ, возведенъ былъ въ систему Константиномъ, когда онъ въ четвертомъ вѣкѣ пересадилъ имперію на Босфоръ и основалъ правительственную и общественную іерархію. Въ шестомъ вѣкѣ Юстиніанъ провелъ новыя реформы, придавшія имперіи болѣе военный и централизованный видъ, чтобы должнымъ образомъ встрѣтить враговъ, окружавшихъ ее. Ираклій и его династія, въ седьмомъ вѣкѣ, продолжили этотъ процессъ еще дальше при томъ страшномъ напряженіи, къ каковому способны были эти правители. Они учредили систему ѡемъ, т. е. военныхъ губернаторствъ, подъ управленіемъ одного военачальника, обладавшаго полною властію какъ въ мирное, такъ и въ военное время,—систему, которая потомъ, въ восьмомъ и девятомъ столѣтїи, также продолжала развиваться, пока ее не классифицировалъ Константинъ Порфирогенетъ. За цѣлый періодъ, отъ седьмаго до одиннадцатаго столѣтїя включительно, организація имперіи развивалась и измѣнялась непрерывно, не насильственно и не экспромтомъ, а идя на встрѣчу нуждамъ времени. Это даетъ право назвать такое развитіе систематическимъ, послѣдовательнымъ и оправданнымъ. Если сравнить его съ тѣми нестроеніями, анархіей, расовыми и политическими переворотами, какія потрясали западную Европу за ту же самую эпоху, то нельзя не согласиться, что абсолютизмъ и бюрократія Византійскаго двора совмѣщались съ высшей пригодностію для управле-

нія, порядка и защиты имперіи. Одна среди націй всего міра имперія владѣла систематически упорядоченными финансами и податями, правильной чеканной монеты и постояннымъ коммерческимъ флотомъ. Она никогда не впадала въ такой правительственный и хозяйственный хаосъ, какимъ страдалъ западъ въ пятомъ столѣтіи, или въ девятомъ—отъ паденія Каролинговъ до возстановленія Священной Римской имперіи при Оттонѣ Великомъ. Трудно преувеличить крайнюю важность принятія Карломъ титула императора или возстановленія его Оттономъ; исторія получила новый видъ послѣ того, какъ новѣйшая школа историковъ много потрудились надъ выясненіемъ значенія этихъ фактовъ для запада. Но здѣсь нужно остерегаться противоположнаго заблужденія, что будто бы римская имперія снова была перенесена на старое мѣсто, какъ это силятся доказать папскіе энтузіасты, что будто бы имперія Карла была прочнымъ и развивающимся организмомъ отъ временъ Карла до Рудольфа, или что коронованіе Карла и Оттона въ Римѣ сокрушило непрерывность имперіи на Босфорѣ или, по крайней мѣрѣ, ослабило ея авторитетъ и престижъ. Напротивъ, эти западныя церемоніи затрогивали ее лишь на мгновеніе и болѣе со стороны ея самочувствія, чѣмъ со стороны власти.

Западная имперія, сколь бы мощные люди не держали ея скипетръ и какія бы порывы силы по временамъ она ни развивала, долго не сознавала своего значенія и мощи: она являлась скорѣе какимъ-то туманнымъ, пустымъ и неопредѣленнымъ символомъ чести, а не прочной и признанной системой управленія. За все это время (византійскіе) императоры въ своихъ раскрашенныхъ сапожкахъ регулярно короновались въ св. Софіи; всѣ они участвовали здѣсь въ богослуженіи, и все жило и устроилось подъ ихъ покровительствомъ. При каждой династіи и во всѣ вѣка они владѣли одними и тѣми же дворцами на Босфорѣ, правили той же громадной бюрократической машиной, устроили одну и ту же армію и флотъ; они поддерживали тѣже самыя церкви, бібліотеки, монастыри и театры, безъ всякаго прерыва, не смотря на то, что мусульманскіе завоеватели опустошали и захватывали ихъ азійскія провинціи или что франскіе и саксонскіе правители попирали ихъ авторитетъ и похищали ихъ

титулы. Имперія Франковъ и Тевтоновъ не имѣла ни систематическаго управленія, ни постоянного мѣстопробыванія; имперія же грековъ обладала всѣми отличительными признаками прочно выработанной и связной государственной системы.

Во всей исторіи нѣтъ ничего болѣе поразительнаго и достойнаго изученія, какъ постоянная способность этой Римской имперіи къ самовозрожденію. Занятельно наблюдать смѣняющіяся эпохи прилива и отлива въ ея протяженіи и силѣ. Удивительное возрожденіе при Юстиніанѣ, и потомъ при Иракліи, въ шестомъ и седьмомъ вѣкахъ, достаточно извѣстно читающей публикѣ,—извѣстно, по крайней мѣрѣ, столько же, какъ и смуты, происходившіе при ихъ преемникахъ. Болѣе блестящій и продолжительный подъемъ при Исаврійской династіи и потомъ Василіанской,—весь періодъ отъ 717 года по 1028,—менѣе знакомъ читателямъ, и однако онъ богатъ событіями, какъ романъ. Анархія, послѣдовавшая за паденіемъ жалкаго тирана Юстиніана II, казалось, грозила всей имперіи разрушеніемъ, но отъ этой участи оберегли ее исавряне (или сирійцы),—Левъ III, его потомки и преемники; затѣмъ, еще разъ порядокъ и имперія были спасены Василиемъ Македоняниномъ и его преемниками, царствовавшими 160 лѣтъ. Прогрессивный натискъ побѣждающаго мусульманства поднялъ всю имперію на защиту своего существованія, и на всемъ протяженіи восьмого, девятого и десятого вѣковъ мы встрѣчаемъ послѣдовательный рядъ государственныхъ мужей и полководцевъ изъ Малой Азіи и Фракіи, политика и подвиги которыхъ не менѣе достойны памяти, чѣмъ и все другое на тогдашнемъ Востокѣ или Западѣ.

Ничто иное не могло бы спасти имперію, кромѣ превосходства ея въ войнѣ, по крайней мѣрѣ оборонительной. Этимъ превосходствомъ она владѣла отъ шестаго до одиннадцатаго вѣка. Нужно признать страннымъ заблужденіемъ ту мысль старыхъ историковъ, къ числу которыхъ принадлежитъ и самъ Гиббонъ, будто бы Византійская армія нуждалась въ мужествѣ, дисциплинѣ и организаціи. Напротивъ, за весь раннѣйшій періодъ средневѣковья она была единственной во всемъ мірѣ арміей, которую можно было назвать дѣйствительно обученной. Она въ корнѣ переработала

искусство войны, какъ въ теоріи, такъ и въ практикѣ, и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, какъ напр. въ мобилизаціи и устройствѣ подвижныхъ отрядовъ, возвысилась до такой степени, которая достигнута только въ новѣйшее время. Она отвергла старыя римскія приемы и строй, но удержала дисциплину, духъ и сплоченность Рима. Главныя перемѣны состояли въ слѣдующемъ: а) она достигла того, что сдѣлалась арміей природныхъ римскихъ подданныхъ, а не арміей союзниковъ и наемниковъ; б) она образовала болѣе сильную кавалерію вмѣсто пѣхоты; в) она замѣнила мечъ и дротикъ лукомъ и копьемъ и усилила употребленіе латъ и г) вмѣсто старыхъ легионовъ создала смѣшанные и подвижные корпуса. Люди всякихъ расъ вербовались съ армію, исключая грековъ и латинявъ. Самые мужественные брались изъ племенъ анатолійскаго плоскогорія и Арменіи,—изъ тѣхъ племенъ, потомки которыхъ защищали Плевну.

Когда, на закатѣ четвертаго вѣка, Адрианопольское сраженіе похоронило римскую пѣхоту, Византійскіе полководцы организовали армію конныхъ стрѣлковъ. Велизарій и Нарзесъ выиграли свои побѣды съ помощію *ιπλοτόξοι*. Катафракты или одѣтые въ желѣзо всадники, сражавшіеся лукомъ, палашемъ и копьемъ, составляли около половины всей Византійской арміи, были неизмѣримо выше въ подвижности, прицѣлѣ и натискѣ какого-угодно отряда древняго Рима и не имѣли себѣ равнаго во всѣхъ войскахъ, какія могли вывести въ поле Азія и Европа. Отъ шестого до десятаго столѣтія до насъ сохранились пространные научные трактаты объ искусствѣ войны подъ именемъ Маврикія, Льва и Никифора. Если въ добавокъ къ этому примемъ во вниманіе систему массивныхъ укрѣпленій, устроенныхъ въ Константинополѣ, различные виды греческаго огня, приборы для выбрасыванія воспламеняющихся жидкостей, и какъ бы нѣкоторый видъ пороха и сверхъ того господство на морѣ и могущественную дѣятельность торговыхъ и военныхъ кораблей, то мы не будемъ сомнѣваться въ заключеніи Омара, что Византійская имперія была самой дѣйствительной силой изъ всѣхъ тогда существовавшихъ, и удивляться тому, что въ теченіи восьми столѣтій она держала въ страхѣ множество опаснѣйшихъ враговъ.

Морская власть досталась имперіи позднѣе, потому что

пока сарацины господствовали на Средиземномъ морѣ, соперничество было невозможно. Но отъ седьмого до одиннадцатаго вѣка (главнымъ образомъ, въ девятомъ и десятомъ) имперія обладала могущественнымъ военнымъ флотомъ изъ галеръ, кораблей и торговыхъ судовъ. Военныя галеры или *дромоны*, съ двумя рядами весель, вмѣщали въ себѣ по 300 человѣкъ каждая, корабли — по сотнѣ, и на многихъ изъ нихъ были устроены боевыя башни и машины для выбрасыванія взрывчатыхъ и горючихъ жидкостей. Ручныя гранаты и, вѣроятно, пушки, изъ которыхъ порохъ выбрасывалъ не ядра, а огненные шары, были ихъ украшеніемъ. Объ экспедиціи Никифора Фоки, предпринятой для освобожденія Крита отъ сарациновъ, извѣстно, что въ составѣ ея числилось 3300 военныхъ и торговыхъ кораблей съ пѣхотой, стрѣлками, кавалеріей, и съ прислугой для осадныхъ машинъ и работъ, всего около 40,000 или 50,000 человѣкъ. Въ десятомъ вѣкѣ такая морская сила не могла имѣть соперниковъ себѣ. Она давала право на томъ самохвальномъ отвѣтѣ, какой сдѣлалъ Императоръ послу Оттона, что онъ можетъ любой приморскій городъ Италіи обратить въ пепель. Такимъ и оставалось морское могущество Византіи, пока въ одиннадцатомъ вѣкѣ оно не перешло къ итальянскимъ республикамъ.

Самое замѣчательное свидѣтельство превосходства Византійской цивилизаціи заключается въ томъ фактѣ, что Византія одна изъ всѣхъ государствъ обладала полной, научной и даже прогрессирующей системой права. Въ то время какъ на Западѣ *Cognis juris* погибъ въ смѣнѣ варварскихъ нашествій,—погибъ, по крайней мѣрѣ настолько, насколько онъ касался управленія и официальныхъ порядковъ,—у императоровъ Востока онъ продолжалъ оставаться государственнымъ закономъ, излагался въ переводахъ, комментаріяхъ и руководствахъ, былъ регулярно изучаемъ въ юридическихъ школахъ и все болѣе перерабатывался въ христіанскомъ и новѣйшемъ (*modern*) смыслѣ. Савиньи блестяще доказалъ, что римское право никогда совершенно не исчезало въ Европѣ, что безъ официального признанія оно случайно сохранялось среди латинизованныхъ покоренныхъ племенъ до того времени, которое самъ Савиньи называетъ возрожденіемъ гражданскаго права въ Болонни, въ двѣнад-

цатомъ вѣкѣ. Но для официальныхъ и практическихъ надобностей *Corpus juris* Юстиніана былъ замѣненъ различными законами тевтонскихъ побѣдителей, представлявшими собой грубыя предписанія, имѣвшія въ виду нужды времени, безъ порядка, метода и постоянства. Возьмемъ-ли мы кодексъ Ротаря Ломбардскаго седьмого столѣтія, или капитуляріи Каролингovy, или *Liber papiensis* одиннадцатаго столѣтія, мы увидимъ, что гражданское право, понимаемое въ систематическомъ смыслѣ, было неизвѣстно западной Европѣ, и что *Corpus juris* былъ забытъ. — Въ примѣненіи же къ Византіи не можетъ быть и рѣчи о возрожденіи римскаго права, потому что здѣсь оно никогда не умирало. Послѣдніе законы Юстиніана были обнародованы по гречески, и его *Corpus juris* былъ переведенъ, систематизированъ и сокращенъ. Хотя юридическія школы продолжали существовать въ Константинополѣ и другихъ мѣстахъ, однако седьмое столѣтіе съ его бѣдствіями и потрясеніями привело гражданскій законъ въ большой упадокъ. Но Исаврійская династія, въ вѣкѣ франкскаго короля Пипина, постаралась возстановить и развить его. Эклога Льва III и Константина V была обнародована съ цѣлю переработать личное право въ христіанскомъ смыслѣ. Она была однимъ изъ показателей той моральной реформы въ пуританскомъ духѣ, къ какой стремились иконоборцы. За ней послѣдовало изданіе трехъ специальныхъ кодексовъ: 1) кодекса морскаго, касательно потерь на морѣ и торговаго риска, 2) кодекса военнаго или воинскаго права и 3) кодекса сельскаго для упорядоченія управленія деревенскимъ населеніемъ. Въ это же время была установлена во всей имперіи точная запись мужскихъ рожденій. — Въ девятомъ столѣтіи Василіанская династія опубликовала новое законодательство, которое хотя и стремилось возстановить *Corpus juris* Юстиніана, но на дѣлѣ приняло въ себя многое изъ моральныхъ реформъ Исаврянъ. „Прохиронъ“ назначенъ былъ служить руководствомъ для общаго ознакомленія со всѣмъ *Corpus juris* Юстиніана; за нимъ послѣдовала „Эпанагога“, представлявшая собой пересмотръ Прохирона и бывшая отчасти дѣломъ чуда тогдашней учености—патріарха Фотія. Но величайшимъ дѣломъ Василіевой династіи были Василіки Василія I и Льва VI, философѣ, въ шести книгахъ, явившіяся около 890 года,—въ ту

эпоху западної історіі, которую одинъ историкъ называетъ „низпроверженіемъ всякаго порядка“, когда вмѣстѣ съ Карломъ Толстымъ и Людовикомъ Дитятей прекратились каролинги. Василики, обнимающія собою 6 волюмновъ in quarto, должны стать рядомъ съ *Corpus juris* Юстиніана. Они были систематической попыткой составить полный кодексъ законовъ, опирающійся на римское право, но преобразованный подъ вліяніемъ христіанства, гуманности и требованій новаго времени. — Итакъ, у византійцевъ мы имѣемъ новый *Corpus juris* и длинный рядъ узаконеній, передѣлокъ, учебныхъ книгъ, схолій и глоссъ, продолжающійся отъ основанія Константинополя до появленія новой юридической школы при Константинѣ Мономахѣ въ срединѣ одиннадцатаго столѣтія, такъ что непрерывность гражданскаго права отъ Трибоніана до Фотія и Теофила Младшаго здѣсь полная. Какъ давно уже замѣчено учеными, эти греческія изложенія и комментаріи имѣютъ большую цѣнность для установки текста латинскаго оригинала: на самомъ же дѣлѣ Василики владѣли болѣе продолжительнымъ значеніемъ, чѣмъ *Corpus juris*, и составили основаніе гражданскаго закона въ христіанскихъ общинахъ Востока, какъ это наблюдается и теперь у грековъ. Но они заслуживаютъ вниманія не ради только непрерывности и продолжительности своего дѣйствія. Они являются фактическимъ шагомъ къ старому римскому праву въ христіанскомъ и новѣйшемъ смыслѣ. Василики открываются превосходнымъ предисловіемъ, заключающимъ въ себѣ замѣчательную и вѣрную критику *Corpus juris*. „У Юстиніана, — говоритъ Василій, — было четыре кодекса; мы совмѣщаемъ весь законъ въ одномъ; по мѣрѣ надобности мы дѣлали опущенія и исправленія и все собрали въ шести книгахъ“ { Вліяніе христіанства и его воздѣйствіе на общее право были слабы въ кодексѣ Юстиніана, законы же Исаврійской и Василіанской династіи глубоко запечатлѣны этой важной перемѣной. Они провозглашаютъ принципъ, что нѣтъ середины между бракомъ и безбрачіемъ, и принимаютъ всѣ его послѣдствія. Конкубинатъ уничтожается и безнравственное сожитіе становится наказуемымъ. Бракъ рабовъ постепенно признается и публичное свидѣтельство брака прочно устанавливается. Законы о разводѣ въ своихъ основаніяхъ замѣтно приближаются къ современнымъ усло-

віямъ. Женщина мало по малу возвышается къ равенству правъ. Она дѣлается опекуной дѣтей, можетъ усыновлять по закону; при жизни одного изъ родителей не допускается сторонней опеки малолѣтнихъ. Собственность мужа и жены поставлена въ правильныя условія (*patria potestas* въ старомъ римскомъ смыслѣ уничтожена, и наслѣдство послѣ смерти одного изъ супруговъ подчинено новымъ узаконеніямъ. Требованіе громаднаго числа доказательствъ для засвидѣтельствованія завѣщанія отмѣнено; старое формальное различіе между личной и реальной собственностью уничтожено и введена система вознагражденія за убытки. Здѣсь, очевидно, нѣтъ ни малѣйшаго сходства съ феодальной системой, а напротивъ наблюдается систематическое стремленіе оказывать покровительство земледѣльцу предъ *domini* (вельможамъ) и дать ему прочную собственность. — Итакъ, все это свидѣтельствуешь, что великая система римскаго права, которая на всемъ западѣ официально игнорировалась и была забыта въ теченіи цѣлыхъ шести вѣковъ, у византійцевъ составляла постоянный предметъ обработки и изученія и развивалась безъ всякаго прерыва, пока христіанская нравственность и новыя потребности не преобразовали ее въ формы, близкія къ гражданскому праву, дѣйствующему теперь въ Европѣ. Нельзя указать другаго, болѣе яркаго доказательства въ пользу того, что цивилизація, нравственность и просвѣщеніе за все это печальное время продолжались въ греческомъ мірѣ съ такой энергіей и непрерывностью, подобія которымъ и не было въ латинской и тевтонской Европѣ. Довольно странно, что этотъ бьющій въ глаза фактъ все еще опускается изъ вниманія государственными дѣятелями и забывается юристами. Изученіе Византійскаго права между Юстиніаномъ и Болонской школой — это дѣятельная почва, ожидающая еще себѣ изслѣдующаго плуга.

Обратимся къ исторіи искусства. Здѣсь снова нужно сказать, что отъ пятого до одиннадцатаго столѣтія Византія и восточный міръ сохраняли традиціи древности и руководили развитіемъ искусства во всѣхъ его видахъ. Мы теперь освободились отъ стараго заблужденія, что искусство погибло въ волнахъ тевтонскихъ нашествій и только спустя нѣсколько столѣтій стало медленно оживать въ Италіи и на сѣверѣ Альпъ. То правда, что благороднѣйшее и наиболѣе

необходимое изъ искусствъ, искусство строенія, иѣкоторые изъ низшихъ видовъ искусства, искусство декораціи и орнаментики, и искусство музыки продолжали существовать и выполнять свое дѣло, хотя большая часть пластическихъ искусствъ исчезла подъ соединеннымъ натискомъ варварскихъ нестроеній и религіознаго аскетизма. Но Византія служила центромъ новой архитектуры и декоративнаго искусства и въ тоже время въ ней сохранялось все наслѣдіе пластическихъ искусствъ, какое только спаслось отъ грубости и варварства раннѣйшей эпохи средневѣковья. Вѣку Юстиніана мы обязаны однимъ изъ важнѣйшихъ успѣховъ, какіе были когда-либо достигнуты человѣчествомъ въ строительномъ искусствѣ. Великій храмъ св. Софіи оказалъ на архитектуру такое широкое вліяніе, что въ этомъ отношеніи съ нимъ не можетъ состязаться ни одно другое произведеніе въ всей исторіи искусствъ. По всему Востоку и по всему Западу мы встрѣчаемъ безчисленныя подражанія ея примѣру,—въ Равеннѣ, Кіевѣ, Венеціи, Аахенѣ, Палермо, Фессалоникѣ, Каирѣ, Сирии, Персіи и Дельфахъ. И при всемъ восторгѣ, какой вызываютъ въ насъ Парфенонъ или Пантеонъ, должно признаться, что внутренній видъ св. Софіи—грандіознѣйшій во всемъ мірѣ, и что въ немъ нужно искать наилучшій базисъ для архитектуры будущаго.

Великій урокъ, данныйъ всему послѣдующему зодчеству Анѳиміемъ и Исидоромъ ¹⁾, состоялъ въ превосходной комбинаціи купола огромнѣйшихъ размѣровъ съ сплошнымъ рядомъ арокъ, поднимающихся отъ колоссальныхъ колоннъ,—сочетаніе несравненнаго инженернаго вкуса съ изяществомъ отдѣлки, представляющее собою образецъ тонкости, легкости, гармоніи и прочности. Правда, что Пантеонъ, принадлежавшій, какъ это теперь доказано, вѣку Адріана, а не Августа, и общирныя каландаріи Термъ ²⁾ даютъ въ себѣ древнѣйшій типъ правильнаго купола; вѣрно и то, что замѣчательный способъ зодчества посредствомъ увѣнчанія колоннъ аркой вмѣсто архитрава былъ изобрѣтенъ нѣсколькими столѣтіями ранѣе. Но соединеніе купола обпирнѣйшихъ размѣровъ и въ безконечномъ разнообразіи съ рядами и ярусами колоннъ,

¹⁾ Строителями храма св. Софіи.

²⁾ Теплое отдѣленіе (calandaria) общественныхъ римскихъ бань (термы).

увѣнчанныхъ арками—это триумфъ исключительно Византійскаго искусства, и нѣтъ во всей исторіи строенія ничего другаго, что дало бы столь богатые плоды. Равенна, Аахенъ, Св. Маркъ (въ Венеціи) суть простыя копіи византійскихъ церквей, и если франкская, рейнская, русская, моравская и сарацинская архитектуры развивали Византійскій типъ и усовершенствовали его въ своихъ фасадахъ, башняхъ и внѣшнемъ видѣ, то во всѣхъ этихъ случаяхъ основной мотивъ, оригинальная концепція бралась изъ Византіи. Не входя въ сложную проблему о способѣ и пространствѣ прямого подражанія Византійской архитектурѣ на Востокъ и Западъ, достаточно указать на постройки Греціи и Леванта, Арменіи и Сиріи и береговъ Италіи, чтобы убѣдиться, что Босфоръ служилъ гнѣздомъ строительнаго искусства и оказывалъ глубокое вліяніе на Азію и Европу отъ шестого до двѣнадцатаго столѣтія. И отдавая справедливость его архитектурной красотѣ, его легкой приспособляемости и строгому вкусу, должно признать, что этотъ Византійскій типъ есть одна изъ самыхъ величественныхъ и благородныхъ формъ искусства, какія когда-либо были порождены человѣческимъ гениемъ. Св. Софія вдвое старше готическихъ соборовъ, и она надолго еще переживетъ ихъ. По красотѣ конструкціи она много превосходитъ ихъ, и если въ отношеніи къ величинѣ она была побѣждена храмами Возрожденія, то далеко выщаетъ надъ ними по своему великолѣпію, изяществу и утонченности.

Народъ, создавшій столь славный и плодотворный типъ архитектуры, не могъ оставаться мертвымъ для искусства. Но даже въ искусствахъ формы мы слишкомъ низко цѣнимъ Византійцевъ. Отъ шестого до одиннадцатаго столѣтія Западная Европа всѣ образцы своихъ украшеній брала у Византіи. Это происходило не всегда прямо, быть можетъ, несознательно и вообще съ большими видоизмѣненіями, но тщательное изученіе мозаики, металлическаго производства, монетъ, издѣлій изъ слоновой кости, рисованія и манускриптовъ за это время всякій разъ доказываетъ первенство и оригинальность декоративнаго искусства Византіи. Несомнѣнно, искусство мозаическихъ украшеній имѣетъ свой источникъ здѣсь. Въ древній міръ мозаика была принесена греками съ Востока, но изящный способъ стѣнного

украшенія посредствомъ стеклянной мозаики есть прямо Византійское изобрѣтеніе и съ пятого по двѣнадцатый вѣкъ оно распространялось по Европѣ благодаря поддержкѣ Византійскихъ школъ. Строгій консерватизмъ церкви и постепенный упадокъ вкуса, въ концѣ концовъ, остановили здѣсь развитіе всѣхъ низшихъ родовъ искусства, какъ нестроенія и варварство истребили ихъ на Западѣ, однако все, что еще сохранялось между вѣкомъ Юстиніана и вѣкомъ Норманновъ, имѣло свое убѣжище на Босфорѣ. Искусство рѣзбы изъ слоновой кости, несомнѣнно, продолжалось; оставшіеся до нашего времени ящики и шкатулки еще и теперь даютъ возможность наблюдать такой тонкій вкусъ, какого напрасно мы стали бы искать въ Западной Европѣ до появленія Пизанской школы. Тоже нужно сказать и разрисовкѣ рукописей. Правда живопись здѣсь пала также скоро, какъ и скульптура, но искусство расписывать рукописи за все время отъ пятого до одиннадцатаго вѣка было у грековъ далеко выше, чѣмъ на Западѣ. Въ Венеціи, Ватиканѣ, въ Парижской Національной бібліотекѣ и теперь сохраняется нѣсколько рѣдкихъ манускриптовъ, по большей части изготовленныхъ для Василія I, Никифора и Василія II, которые въ рисованіи даже наготы, въ композиціи, экспрессіи, въ благородствѣ краски и рисунка не имѣютъ себѣ подобія въ западной Европѣ вплоть до четырнадцатаго столѣтія. Экземпляры Ватиканскіе, Венеціанскіе и Парижскіе, по моему мнѣнію, доселѣ еще не превзойдены. Выдѣлка шолка и вышивка по атласу также оставалась монополіей Византіи за всѣ средніе вѣка. Средневѣковая литература полна свидѣтельствъ о роскошныхъ шолковыхъ и парчевыхъ одеждахъ Константинополя, вызывавшихъ зависть у западныхъ королей и принцевъ. Мы слышимъ о мантии греческаго сенатора, имѣвшей 600 фигуръ, изображавшихъ земную жизнь Христа. Драгоценныя ткани и утварь носили на западѣ греческія имена до середины пятнадцатаго столѣтія; діадемы, скипетры, троны, мантии, монеты и уборы—все это было греческаго типа и вело свое происхожденіе изъ Византіи.

Столь же сильно мы заблуждаемся, ничего кромѣ пренебреженія не питая къ умственному движенію Византіи въ средніе вѣка. Оно опозорено по двумъ причинамъ,—во-пер-

выхъ, потому, что мы плохо знакомы съ тѣмъ единственнымъ періодомъ,—отъ восьмаго до одиннадцатаго столѣтія,—когда оно отличалось жизненностію; во-вторыхъ, потому, что греческій языкъ, въ какомъ оно выразилось, слишкомъ разнится отъ классическаго языка, къ которому мы привыкли. Но попытаемся обозрѣть обезцѣненные заслуги этой полуварварской (?) литературы за то время, когда на Западѣ литература объята была полнымъ сномъ. Какъ много поэзій, философіи или наукъ сохранялось въ Западной Европѣ отъ Григорія Великаго до Лафранка? Нѣсколько балладъ, лѣтописей и достойныхъ вниманія гомилій, притомъ ограниченныхъ въ своемъ вліяніи узкими предѣлами своихъ родинъ! Охраненіе же языка, литературы, философіи и наукъ греческаго гениа находилось въ рукахъ римской имперіи на Востокѣ, пока Персы и Арабы не восприняли и не передали этого наслѣдства Западу.

Начиная отъ эпохи Прокла, съ пятаго столѣтія, въ Византіи никогда не было недостатка въ людяхъ, занимающихся изученіемъ греческой философіи, и то не подлежитъ сомнѣнію, что въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій книги и традиціи Платона и Аристотеля сохранялись для міра въ школахъ Александріи, Аѳинъ и Византіи. Мы уже говорили объ изученіи и развитіи гражданскаго права. Такое же преемство наблюдается и въ области естественныхъ наукъ. Геометрія и астрономія поддерживались живо, хотя и не развивались. Великіе архитекторы Св. Софіи были учеными математиками и писали сочиненія по механикѣ. Математикъ Левъ, въ срединѣ десятаго столѣтія, читалъ лекціи по геометріи въ церкви Сорока мучениковъ въ Константинополѣ, онъ же составилъ изслѣдованіе объ Эвклидѣ, — и это въ то время, когда Западъ, въ эпоху Людовика благочестиваго и преемниковъ Эгберта, былъ далекъ отъ всякихъ притязаній на науку. Отъ десятаго столѣтія до насъ сохранилось изслѣдованіе на трактатъ Герона по практической геометріи. Въ одиннадцатомъ столѣтіи Михаилъ Пселлъ, „князь философовъ“, писалъ, между прочимъ, по математикѣ и астрономіи. Отъ четвертаго до одиннадцатаго столѣтія мы имѣемъ предъ собой непрерывный рядъ писателей по медицинѣ и систематическіе трактаты по вопросамъ врачебнаго искусства.

И въ области другихъ естественно-научныхъ познаній,—

въ зоологiи, ботаникѣ, минералогiи и географiи,—можетъ быть названъ рядъ греческихъ писателей и трактатовъ, отчасти сохранившихся въ цѣломъ видѣ, отчасти въ извлеченiяхъ. Нѣтъ надобности входить въ нарочитое ихъ разсмотрѣніе; достаточно сослаться на то, что ученый историкъ Византійской литературы, Крумбахеръ, посвятилъ 1200 страницъ компактной печати этимъ греческимъ авторамъ, ихъ біографіи и литературнымъ трудамъ ¹⁾. Въ глазахъ историка эти труды имѣютъ значеніе не по своей собственной цѣнности, но какъ наглядное доказательство того факта, что въ то время, какъ западные народы погибали въ разстройствѣ и борьбѣ на жизнь и смерть, въ восточной имперіи, вплоть до вѣка крестоносцевъ, сохранялось дѣйствительное, хотя бы и слабое, преемство мыслителей, живо охранявшихъ идеи и науку древняго міра. Мы склонны приурочивать вліяніе грековъ на европейскую мысль къ спеціальной и опредѣленной эрѣ, къ такъ называемой эпохѣ Возрожденія, послѣ взятія Константинополя турками. Въ дѣйствительности же, на всемъ протяженіи отъ пятого до пятнадцатаго столѣтія совершалось постепенное возрожденіе или, лучше сказать, просачиваніе идей, познаній и искусства изъ греческой Имперіи въ Западную Европу. Оно никогда не отличалось достаточною активностью, было неправильно и неустойчиво, но происходило постоянно. Его слѣдствія скрыты и перетолкованы благодаря національной антипатіи, торговому соперничеству и распрямъ двухъ имперій и двухъ церквей. Главными моментами этого воздѣйствія Востока на Западъ были несомнѣнно,—во-первыхъ, иконоборческія преслѣдованія, затѣмъ, крестовые походы и, наконецъ, взятіе Константинополя Магометомъ. Послѣдній изъ этихъ моментовъ, называемый Возрожденіемъ, можетъ быть признанъ самымъ важнымъ изъ трехъ, но мы не должны забывать ни реального значенія первыхъ двухъ, ни того постоянного вліянія, какое оказывала болѣе прогрессивная и устойчивая цивилизація Востока на цивилизацію Запада, путемъ потрясеній восходившую отъ варварства къ порядку и жизни. Особенной же и безспорной заслугой Византійской литературы было сохраненіе ея языка, филологіи и археологіи Греціи. Невозможно

¹⁾ Krumbacher. Geschichte d. Byzantinische Literatur, 1897.

сказать, какъ бы еще мы могли получить наши свѣдѣнія о древней литературѣ и цивилизаціи, если бы Константинополь въ теченіи среднихъ вѣковъ не сберегъ въ школахъ Александріи, Аѳинъ и Малой Азіи обширныхъ собраній греческой учености, если бы Фотій, Свида, Евстафій, Цець и схоластики не оставили своихъ лексиконовъ, анекдотовъ и комментаріевъ, если бы *Corpus Scriptorum historiae Byzantinae* не былъ написанъ, если бы рядъ неутомимыхъ копистовъ не потрудился надъ умноженіемъ текста древнихъ грековъ. Педантичныя и невѣжественныя, какими они не рѣдко оказываются на дѣлѣ, они были не замѣнимы: они рабски повторяли слова безсмертныхъ, но если бы они не сдѣлали этого, безсмертные давно бы умерли.

Считаемъ невозможнымъ говорить здѣсь о многочисленныхъ произведеніяхъ Востока въ области богословія. Какъ и на Западѣ, и даже болѣе, чѣмъ на Западѣ, умственная энергія времени была погружена въ духовныя проблемы и религіозныя тайны. Итогъ интеллектуальныхъ усилій и ихъ нравственный энтузіазмъ былъ столь же великъ на Востокѣ, какъ и на Западѣ, и если общій результатъ оказался ниже (?), то причину этого нужно искать не въ меньшей остротѣ и усердіи греческаго религіознаго духа, но въ болѣе низкихъ соціальныхъ условіяхъ и въ томъ строгомъ абсолютизмѣ, при которомъ они осуществлялись. Но (во всякомъ случаѣ) мы никогда не можемъ пренебрегать этой Православной Церковію, которая имѣла своихъ Златоуста, Кирилла и Меѳодія, патріарха Фотія и Григорія Назіанзена, со множествомъ проповѣдниковъ, мучениковъ и святыхъ, которая, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, въ теченіи вѣковъ оставалась руководительницей и учительницей для католической церкви, которая избѣгла многихъ изъ самыхъ худшихъ заблужденій и скандаловъ папства и ввела въ свою ограду многочисленныя народы Восточной Европы, доселѣ остающіеся внѣ общенія съ Римомъ.

Призывая къ болѣе систематическому изученію Византійской исторіи и цивилизаціи за средніе вѣка,—заканчиваетъ свою рѣчь Гаррисонъ,—я далекъ отъ намѣренія ставить ее въ одинъ уровень съ цивилизаціей Западной Европы. Моя цѣль состояла въ томъ, чтобы показать, что Византійская исторія незаслуженно и не справедливо оставлена въ пре-

небреженіи, что въ примѣненіи къ 9—11 вв. мы можемъ говорить о цивилизаціи кругомъ Босфора, которая при всѣхъ своихъ недостаткахъ и болѣзняхъ, была съ одной стороны старше, чѣмъ какая-либо иная въ Европѣ, съ другой—болѣе совершенна, что эта цивилизація сохранила для чело-вѣческаго рода вещи неопѣнимои важности, что она была матерью и образцомъ для церквей и могущественныхъ государствъ Восточной Европы,—церквей и государствъ, которыя и доселѣ не хотятъ признать превосходства Запада ни въ области государственной организаціи, ни въ сферѣ религіозной жизни.

Сдѣлаемъ нѣсколько необходимыхъ замѣчаніи по поводу изложенныхъ сейчасъ сужденій Ф. Гарриссона. Разсматриваемая въ общемъ, рѣчь англійскаго ученаго, безъ сомнѣнія, можетъ служить нагляднымъ показателемъ того радикальнаго переворота въ воззрѣніяхъ на историческую роль Византійской имперіи, какой совершился за прошлое столѣтіе въ западной исторической наукѣ подъ вліяніемъ болѣе объективнаго и близкаго изученія Византіи. Гарриссонъ не только признаетъ относительное превосходство Византійской цивилизаціи по сравненію съ современнымъ ей состояніемъ средневѣковаго Запада, но и старательно перечисляетъ незамѣнимыя и безспорныя заслуги ея въ исторіи всего европейскаго челоуѣчества. Столь частыя у прежнихъ историковъ, порицанія, негодованія и обвиненія по адресу византійцевъ, смѣняются у него солиднымъ рядомъ доводовъ и фактовъ, свидѣтельствующихъ о важности этого момента въ прошлыхъ и настоящихъ судьбахъ Европы, причемъ всѣ его сужденія основаны на тщательномъ изученіи новѣйшей обширной литературы по византологіи, и тѣмъ менѣе могутъ возбуждать какое-либо подозрѣніе въ преувеличеніяхъ, что самъ ихъ авторъ не принадлежитъ къ числу записныхъ византологовъ ¹⁾. Пріятно отмѣтить и то, что протестъ противъ несправедливаго пренебреженія Византіей и защиту ея историческихъ правъ въ данномъ случаѣ мы слышимъ отъ пред-

¹⁾ Насколько знаемъ, изложенная рѣчь является пока единственнымъ его трудомъ въ этой области.

ставителя той націи, лучшей и наиболѣе популярный историкъ которой (Гиббонъ) свои богатые познанія и выдающіеся историческій талантъ потратилъ на то, чтобы наложить на Византію клеймо позора и презрѣнія. Въ этомъ, конечно, нужно видѣть одно изъ яркихъ доказательствъ того благодѣтельнаго вліянія, какое оказываетъ точная наука даже на самыя закоренѣлыя предрасудки и вѣковыя предубѣжденія. Но привѣтствуя рѣчь Гаррисона, какъ добрый знакъ совершившагося въ сужденіяхъ западныхъ историковъ поворота въ пользу Византіи, мы не можемъ не указать вмѣстѣ съ тѣмъ и на нѣкоторую односторонность въ его взглядахъ, отображающую на себѣ отчасти старое высокомерное отношеніе Запада къ Византійской имперіи и европейскому Востоку. На всемъ протяженіи своей лекціи Гаррисонъ стоитъ на точкѣ зрѣнія человѣка, проникнутаго идеалами западно-европейской культуры, для котораго во всей исторіи человечества нѣтъ ничего выше, цѣннѣе и совершеннѣе этой культуры и который въ выработанной Западомъ цивилизаціи видитъ послѣднее слово и окончательный, вѣчный результатъ общечеловѣческаго развитія. Ни на минуту онъ не допускаетъ и мысли о томъ, чтобы созданный Византіей или вообще восточно-европейскій типъ цивилизаціи могъ быть поставленъ въ уровень съ Западомъ Европы, а тѣмъ болѣе претендовать на соперничество въ нею. Для него кажется парадоксальнымъ „сравнивать Карла или Оттона великаго даже съ лучшими Византійскими правителями того времени или такихъ людей, какъ Григорій Великій, папы—Сильверстръ (?) или Гильдебрантъ ставить рядомъ съ лучшими изъ патріарховъ св. Софій (—а Златоустъ? а Фотій?—)“. „И ни мало не сомнѣваюсь,—прямо и не безъ нѣкотораго противорѣчія себѣ заявляетъ онъ,—что „это есть низшіи типъ цивилизаціи“, что „ни въ государствѣ, ни въ церкви, ни въ политикѣ и арміи, ни въ морали (?) и литературѣ или искусствѣ Византіи не даде ничего равнаго и даже не приблизилась къ западному феодализму (стр. 39)“, и что, поэтому, „ни православная церковь, ни восточные римляне (византійцы) не имѣютъ такихъ правъ на благодарность человечества, какія должны быть признаны за католической церковью и тевтонскими героями, основавшими новую Европу (стр. 8)“. Отсюда и вся предлагаемая Гаррисономъ оцѣнка историче-

ской роли Византіи получаетъ односторонній характеръ: ея заслуги допускаются и признаются имъ лишь настолько, насколько она, охраняя наслѣдство античной культуры, содѣйствовала успѣхамъ западно-европейскаго развитія; самостоятельной цѣнности исторія Византійской имперіи въ глазахъ его не пмѣетъ. Но вліяніе Византіи на западно-европейскую цивилизацію было дѣломъ случайнымъ и побочнымъ, и о немъ византійцы не заботились. Главная историческая задача, выполненная Византіей, состояла не въ этомъ косвенномъ воздѣйствіи на западно-европейскую цивилизацію, а въ воспитаніи славянскихъ народовъ и передачѣ имъ того духовнаго наслѣдія, которое выработано ею самою, а не взято изъ чужихъ рукъ,—этотъ фактъ огромной исторической важности лишь бѣгло отмѣченъ Гаррисономъ, но не понятъ имъ въ своихъ неисчерпаемыхъ послѣдствіяхъ. Задержанные въ своемъ развитіи тяжелыми внѣшними обстоятельствами, славянскіе народы только что выступаютъ на историческую сцену и далеко еще не выразили своего внутренняго существа, но уже и теперь—быстрый и мощный ростъ славянскаго Востока, съ одной стороны, и зловѣщіе признаки начинающагося разочарованія въ достигнутыхъ успѣхахъ среди романо-германскаго Запада Европы съ другой—заставляютъ и на Западѣ наиболѣе чуткихъ людей иными глазами смотрѣть въ будущее исторіи. Вотъ что напр. писалъ недавно одинъ изъ соотечественниковъ Гаррисона, англичанинъ Уошбернъ (Washburn) въ своемъ сочиненіи „The coming of the Slave“—„Будущее славянъ“: „латинская и нѣмецкая расы отжили свои дни и не сѣумѣли создать настоящей христіанской цивилизаціи. Онѣ сдѣлали огромные успѣхи въ организаціи общества, въ развитіи матеріальнаго благосостоянія, въ литературѣ, искусствѣ и наукѣ, особенно же въ признаніи и обезпеченіи въ извѣстной мѣрѣ правъ человеческой личности; но они превознесли вещественное надъ духовнымъ и сотворили себѣ Бога изъ мамы. Онѣ потеряли уже благороднѣйшія стремленія юности и управляются нынѣ грязнымъ расчетомъ старости. Ожидается приходъ славянства, чтобы возродить Европу, водворить принципы всеобщаго братства и царства Христова на землѣ... Славянская раса переживаетъ еще свою молодость. Что будетъ, когда она созрѣетъ, до какихъ предѣловъ она осуществитъ свои

мечты и дастъ высшее и лучшее развитіе, чѣмъ Западъ? —покажетъ будущій вѣкъ, вѣкъ славянскій“. Если славянскій вѣкъ настанетъ, если славянскимъ народамъ дѣйствительно суждено внести *свой* вкладъ въ сокровищницу обще-человѣческаго прогресса, то въ этомъ вкладѣ значительная доля будетъ принадлежать Византіи. Не рано-ли, поэтому, подводить итоги міровой исторіи и подсчитывать права на благодарность человѣчества?

А. С—скій.
